

Эволюція общественно-политической мысли въ предреволюціонную эпоху ¹⁾.

1. Періодъ безнародности.

На рубежѣ двухъ десятилѣтій—80-хъ и 90-хъ годовъ—береть свое начало то общественное броженіе, которое, непрерывно нарастая и усложняясь въ продолженіи ряда лѣтъ, разрѣшилось, наконецъ, катастрофой 1905 г. Естественно, что на той же грани лѣтъ приходится искать и истока для тѣхъ идейныхъ теченій, видимо-капризная смѣна которыхъ придавала характерное выраженіе всей предреволюціонной эпохѣ...

Немногихъ мѣсяцевъ не дожидая Шелгуновъ до рѣшительнаго перелома въ настроеніи широкихъ общественныхъ круговъ, т. е. до той встряски, которую принесло съ собой народное бѣдствіе 1891 года, однако, онъ все же успѣлъ констатировать начало конца. Начало конца тому умонастроенію, которое было господствующимъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ волна 70-хъ годовъ разбила о скалу традиціонной власти и народнаго равнодушія. Начало конца—общественному индифферентизму, этому рефлексу общественной паники. Психологія разгрома создала идеологію усталаго равнодушія, бѣгства изъ жизни въ «культурные» и иные скиты (см. Кривенко—«На распутѣ»), расцвѣта вопросовъ индивидуальнаго совершенствованія, какъ антитезы коллективному строителству жизни. Литература Гайдебуровской «Недѣли», теоріи «малыхъ дѣлъ» и «средняго человѣка»—Абрамова, вѣроученіе Толстого—все это увидало еще на глазахъ у автора «Очерковъ русской жизни» и дало ему послѣднюю радость—похоронить недавно торжествовавшего еще «восьмидесятника» и одновременно привѣтствовать грядущее за нимъ поколѣніе.

¹⁾ За недостаткомъ мѣста, мы ограничили нашу задачу предѣлами общественно-политической мысли оппозиціонной и революціонной среды. Мы сочли это тѣмъ болѣе возможнымъ, что идеологія реакціи въ разсматриваемую нами, предреволюціонную, эпоху жила лишь наслѣдіемъ идей Каткова и Константина Леонтьева, топчась на одномъ мѣстѣ, теряя вліяніе на умы даже прежнихъ адептовъ и обнаруживая совершенно явные симптомы разложенія. Цѣлесообразнѣе, поэтому, будетъ о ней говорить уже въ непосредственной связи съ реакціоннымъ подъемомъ въ эпоху революціи.

Шелгуновъ былъ правъ, отмѣчая поворотъ: поворотъ еще явственнѣе обнаружился немного времени спустя, когда началось то оживленіе въ кругахъ интеллигенціи, которое отлилось на первыхъ порахъ въ форму элементарнаго движенія на помощь голодающему крестьянству. Но не правъ былъ бы тотъ, кто отъ этого поворота заключилъ бы къ разрыву между первоначальной идеологіей 90-хъ годовъ и только-что закончившимся десятилѣтіемъ.

Голодный 91-ый годъ освободилъ оппозиціонное русское общество отъ гипноза хроническаго безсилія и подавленности, переживавшихся имъ подъ давленіемъ безудержнаго натиска реакціи, ея, казалось, неограниченныхъ возможностей. Онъ, какъ бы впервые, начертилъ эти границы и поставилъ на очередь рядъ неотложныхъ задачъ для общественной дѣятельности. Но именно эта-то постановка задачъ, вновь всплывшій вопросъ — что дѣлать? — и дали случай и поводъ обнаружиться происшедшей передвижкѣ общественныхъ силъ и явиться въ развитой формѣ законченныхъ идеологическихъ построеній идейнымъ элементамъ, сложившимся въ эпоху реакціи.

Эпоха реакціи развила послѣдніе остатки революціоннаго народничества, т. е. идеологіи, приуроченной къ крестьянству, какъ источнику и активному дѣятелю грядущаго социальнаго переворота; она свеза на нѣтъ народовольчество съ его надеждами на рѣшающую роль интеллигентнаго меньшинства, энергіей своихъ дѣйствій восполняющую отсутствующую дѣятельность народныхъ массъ и доводящая страну до кореннаго политическаго переустройства. И эта же эпоха заложила основаніе для того народническаго либерализма и того либеральнаго народничества, самое существованіе которыхъ въ развернутомъ видѣ предполагало крушеніе былыхъ идеологій.

Самолюбованіе «восьмидесятника», надоедливо-наивное исканіе «отрадныхъ явленій» — исчезли, какъ дымъ, но остался тотъ идейный «сдвигъ», вызванный происшедшимъ общественнымъ «сдвигомъ», который привелъ, съ одной стороны, къ вытѣсненію бюрократическаго либерализма Александра Градовскаго и «Голоса» болѣе демократическимъ либерализмомъ «Вѣстника Европы» и «Русскихъ Вѣдомостей» и съ другой — къ ликвидаціи революціоннаго народничества — народничествомъ прогрессивной интеллигенціи всѣхъ оттѣнковъ, отъ направленія В. В. и до народничества «Сѣвернаго Вѣстника» времени редактированія его Михайловскимъ.

Дѣло въ томъ, что въ общественной и идейной жизни 80-хъ годовъ опредѣляющимъ моментомъ оказался процессъ начавшагося сближенія между элементами земства и демократической интеллигенціи. Попытно-реформаторскою дѣятельностью гг. Дмитрія Толстого и Пазухина земство все сильнѣе загонялось въ хроническій конфликтъ съ администраціей, какъ центральной, такъ и мѣстной, — во имя все болѣе усложнявшихся задачъ своего земскаго хозяйства. И въ то же время интеллигенція, изъ года въ годъ численно растущая вмѣстѣ съ ростомъ европеизаціи Россіи, все сильнѣе пропитывала собою всѣ поры земскаго организма, особенно съ тѣхъ поръ, какъ исчезли прежніе центры притяженія для революціонной ея части — съ исчезновеніемъ программъ практическаго дѣйствія. На общей почвѣ такъ называемой культурной работы и совмѣстнаго отстаиванія ея противъ напора административнаго усмотрѣнія скрѣплялся этотъ двусто-

ровній процесъ сближенія просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ и становящихся все болѣе замѣтной величиной профессиональныхъ работниковъ интеллигенціи. Этотъ процессъ былъ итогомъ 80-хъ годовъ, впервые въ полной мѣрѣ реализованнымъ, однако, лишь въ началѣ 90-хъ годовъ. Онъ былъ тѣмъ фономъ, на которомъ, какъ я далѣе постараюсь показать, и развилась идеологія всего перваго періода предреволюціонной эпохи.

Хронологически этотъ періодъ очерчивается двумя историческими датами: голоднымъ 91-мъ годомъ, съ одной стороны, и съ другой—тѣмъ выступленіемъ на сцену промышленнаго пролетаріата, которое впервые было учтено en masse общественнымъ сознаниемъ лишь въ половинѣ того же десятилѣтія.

Дѣйствующія лица все тѣ-же, что и прежде, и комбинація та же. По сравненію съ 80-ми годами измѣнилась только ихъ общественная жизнеспособность. Начать оправляться революціонно-настроенный разночинецъ, испытавшій разгромъ въ началѣ предыдущаго десятилѣтія. Элементы земской среды и культуртрегерской интеллигенціи подъ дѣйствіемъ даннаго толчка крестьянскаго голода—начали слагаться въ бродящее цѣлое. Снова ускореннымъ темпомъ заработала мысль различныхъ круговъ надъ вопросами общественнаго развитія.

Спрашивается: какія же идеологіи выдвинулъ этотъ періодъ?

Начало 90-хъ годовъ застало публицистику въ томъ состояніи опустошенія, въ которое привели ее предыдущіе годы. Ежедневная печать—въ почти безраздѣльномъ владѣніи дворянской реакціи или ко всему приспѣсбляющейся безпринципности: либо «Московскія Вѣдомости», «Свѣтъ», «Гражданинъ», либо «Новое Время» и уличные листки.

Едва ли не единственнымъ выраженіемъ оппозиціонной мысли были «Русскія Вѣдомости»—этотъ умѣреннѣйшій органъ умѣренныхъ московскихъ профессоровъ, ибо въ счетъ не шли ни петербургскія «Новости», «презрительный терситъ» прогрессивной печати, ни тѣ немногіе органы провинціальной прессы, вроде «Волжскаго Вѣстника», или «Саратовскаго Дневника», которые, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, должны были замыкаться въ сферу слишкомъ узкихъ вопросовъ, чтобы считаться выразителями политической мысли. Единственной ареной, на которой могла заявлять себя—хотя и въ скромномъ масштабѣ—различнаго цвѣта оппозиція, была литература ежемѣсячныхъ журналовъ. Но и эта арена была усыяна обломками прошлаго, которые начали лишь медленно и постепенно слагаться въ новыя группировки въ теченіе ближайшихъ дѣтъ разсматриваемаго нами періода. «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль», «Сѣверный Вѣстникъ», да еще еженедѣльная «Недѣля» со своими ежемѣсячными приложеніями,—вотъ и все то наслѣдство, которое 90-ые годы восприняли отъ своихъ предшественниковъ.

Уже непосредственно вслѣдъ за 91-мъ годомъ появляется въ Петербургѣ прогрессивная ежедневная газета «Русская Жизнь», и «Русское Богатство»—до тѣхъ поръ совершенно безвѣстный органъ Леонида Оболенскаго—переходитъ въ руки Кривенко и его друзей, какъ первая попытка чего-то вроде реставраціи «Отечественныхъ Записокъ». Затѣмъ, одинъ за другимъ слѣдуютъ «Хозяинъ» (ред. Мертваго)—это своеобразное сочетаніе агрономіи съ политикой, «Міръ Божій» «журналъ для юношества», народническое «Новое Слово» и цѣлая серія народо-

хозяйственныхъ изслѣдованій, книгъ и брошюръ, трактующихъ объ экономиче-скихъ судьбахъ Россіи. И въ соответствии этому замѣчающемуся пробужденію литературы и жизни, замѣтно начинаетъ просачиваться изъ-за границы та нелегальная литература, которая, въ продолженіи уже многихъ лѣтъ, перестала находиться въ кругозорѣ русскаго читателя, оставаясь исключительнымъ достояніемъ немногихъ кружковъ. И, наконецъ, появляется и печать только что слагавшихся тогда—въ предѣлахъ Россіи—организаций, вродѣ «Народнаго права».

Въ этомъ растущемъ потокѣ публицистики, разумѣется, не все равноцѣнно для характеристики момента. Есть пережитки прошлаго, какъ старая «Недѣля», уже потерявшая значеніе руководящаго органа, устами Меншикова тянущая безконечную канитель сантиментально-безвкусныхъ, толстовско-народническихъ разсужденій. Есть такая своего рода литературная гостиница, какъ «Русская Мысль», въ которой находятъ себѣ временное пристанище Н. К. Михайловскій, Вл. Короленко, М. Протопоповъ и многіе другіе писатели, но которая со смерти Шелгунова потеряла лицо свое, обратившись въ простое складочное мѣсто всѣхъ родовъ прогрессивной письменности. Есть «Сѣверный Вѣстникъ», по временамъ вызывающій сенсацію критико-философскими статьями Волынскаго, въ то время специалиста по развѣнчанію публицистики 60-хъ годовъ, но не имѣющій своего мнѣнія въ общественно-политическихъ вопросахъ и изъ года въ годъ угасающій въ атмосферѣ читательскаго равнодушія. Есть, наконецъ, изданія, которыя въ эти годы не успѣли еще сбросить свой популяризаторскій «юношескій» обликъ, какъ, напр., «Міръ Божій», ставшій нѣкоторой величиной лишь въ позднѣйшіе годы.

Но въ этой литературной пестротѣ явственно выступаютъ явленія, которыя можно назвать для даннаго періода центральными и въ которыхъ заключался его нервъ. Это «Вѣстникъ Европы», органъ *народничающей либерализма*, это первоначальное «Русское Богатство» (до выхода изъ редакціи Кривенко) и «Новое Слово» (до перехода къ марксистамъ), равно какъ и отдѣльныя работы Н.-она и В. В., какъ выраженіе *либеральнаго народничества* и, наконецъ, немногочисленные произведенія нелегальной печати,—въ которыхъ суммируется то направленіе общественной мысли, которое нѣкоторыми называлось *революціоннымъ конституціонализмомъ*. Блѣднымъ, поневолѣ, отраженіемъ той же тенденціи въ легальной печати, до известной степени, является «Русское Богатство», перешедшее подъ редакцію Михайловскаго. Къ этимъ тремъ категоріямъ можно свести всѣ основныя теченія даннаго періода.

Безъ сомнѣнія, трудно найти въ исторіи послѣдней четверти вѣка эпоху, въ которую либерализмъ встрѣчалъ бы болѣе общее—неоспоримое—признаніе среди самыхъ различныхъ слоевъ прогрессивнаго русскаго общества,—какъ начало 90-хъ годовъ. Ибо ни въ одну изъ эпохъ общественно-политическая работа, которая производилась такими органами, какъ ежемѣсячный журналъ Стасюлевича, Арсеньева, Пыпина, Слонимскаго (и отчасти, какъ «Русскія Вѣдом.», гораздо сильнѣе, впрочемъ, чѣмъ «Вѣстникъ Европы», окрашенная въ народническій цвѣтъ), не представляла собою въ такой полной мѣрѣ отраженія того *minimum'a*, на которомъ сходилась и къ которому сводилась всѣхъ родовъ оппозиція, лишенная дѣйственной силы и какихъ либо надеждъ въ перспективѣ.

Либерализм переводилъ въ свои идеологическія формы тѣ нужды и запросы, которые ставились на очередь культурной работой мѣстнаго самоуправления, т. е. единственной существовавшей въ то время организациі общественныхъ силъ, на которой сосредоточивалось вниманіе какъ земскихъ людей, такъ и огромнаго большинства тогдашней интеллигенціи. Вотъ почему у него была резонансъ, и политическая хроника «Вѣстн. Европы», въ своей значительной части посвященная защитѣ земства и его самостоятельности отъ надвинувшейся дворянско-бюрократической реакціи, возбуждала такой общій интересъ.

Этотъ «земскій» либерализмъ не имѣлъ своей выработанной теоріи, своихъ догматическихъ очертаній,—если, впрочемъ, не считать таковыми традиціи стараго западничества. Онъ былъ эмпирикомъ *par excellence*, какъ былъ эмпирикомъ и тотъ просвѣщенный земскій хозяинъ, юрисконсультomъ котораго являлась либеральная публицистика—во имя интересовъ культуры и законности.

Но, неуклонно регистрируя каждый фактъ произвола, всякое посягательство администраціи и тѣмъ болѣе законодательства на «приобрѣтенныя права» «эпохи великихъ реформъ», отстаивая земскую школу противъ церковно-приходской, крестьянъ—противъ земскаго начальника, самоуправленіе противъ неправомернаго вмѣшательства губернской власти, инородцевъ противъ централизаторскихъ и обрусительныхъ тенденцій правительства, всегда на стражѣ интересовъ печати, сектантства, всегда противъ исключительныхъ законоположеній,—онъ былъ не только присяжнымъ защитникомъ самостоятельности земской работы, но ео ipso—разъ земская работа была въ центрѣ общественной жизни—и всеобщимъ юрисконсультomъ эпохи, для которой, въ ея оборотительной позиціи, *юридическая* аргументація, толкующая *существующее* право, должна была брать перевѣсъ надъ *политической*, говорящей о завоеваніи *новаго* права. И въ то же время, онъ чувствовалъ себя представителемъ земли, того обойденнаго вниманіемъ сельскаго хозяйства, на которомъ лежала двойнымъ гнетомъ и протекціонная политика правительства, и вся система административнаго произвола вообще. Культурный застой и всероссійское раззореніе крестьянства, о которыхъ такъ краснорѣчиво напомнилъ 91 голодный годъ, вставали угрожающими призраками и, подымая тревогу, создавали представление объ извѣстной общности интересовъ и о необходимости воспособленія крестьянству.

Вотъ почему, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ голода, Слонимскій уже въ концѣ 91 года ¹⁾ писалъ, что «къ несчастью народныя массы, живущія впроголодь и въ урожайные годы, не имѣютъ возможности заявлять свои нужды такъ громко и сильно, какъ фабриканты и промышленники. Представители торговли и промышленности всегда находятъ дѣятельную защиту и покровительство въ министерствѣ финансовъ»... «Забота о промышленникахъ, заводчикахъ и фабрикантахъ должна, наконецъ, уступить мѣсто болѣе настоятельнымъ и важнымъ народо-хозяйственнымъ задачамъ, выдвинутымъ на первый планъ нашей тяжелой дѣйствительностью» ²⁾.

¹⁾ Вѣст. Евр. 91 г. кн. XI Ст. Промышленные идеалы и дѣйствительность, стр. 331.

²⁾ В. Евр. 91 г. кн. XII Ст. Пром. ид. и дѣйств., стр. 766.

И отсюда выводъ и пожеланіе, неоднократно выражавшееся на страницахъ либеральнаго органа, объ учрежденіи министерства земледѣлія, и идеалистическое выраженіе для того же пожеланія въ формулѣ: «Самъ народъ съ его групповыми интересами и нуждами» «долженъ сдѣлаться» «предметомъ покровительства».

Такъ заявлялъ либерализмъ, солидаризируя себя съ интересами крестьянства и всего общественнаго цѣлаго, и съ негодованіемъ отвергалъ самую мысль о своей буржуазности, которая ему навязывалась публицистами народничества.

Еще въ началѣ 80-хъ годовъ, полемизируя съ «Недѣлей», «Вѣсти Европы» заявлялъ, что основная ея ошибка «заключается въ томъ, что съ понятіемъ о либерализмѣ, какъ о политическомъ ученіи, она смѣшала понятіе о выродившемся либерализмѣ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ партій, напр. французскихъ доктринеровъ времени Гизо, прусскихъ національ-либераловъ 70-хъ годовъ, что особенности западно-европейскаго либерализма объясняются историческими условіями его появленія именно въ то время, когда господствующей силой въ государствѣ была буржуазія, господствующимъ ученіемъ въ экономической наукѣ было то, которое позже получило названіе «манчестерства». Развитие этихъ трехъ началъ шло параллельно... но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы они должны были оставаться нераздѣльными всегда и вездѣ. Связь между ними порвана уже и на Западѣ Европы... Еще меньше можетъ быть рѣчь о неразрывности названныхъ нами началъ въ Россіи, гдѣ не бывало и нѣтъ крѣпко организованной буржуазіи, гдѣ едва зарождается капиталистическое производство и не успѣла пустить корней теорія экономическаго новѣйшателства»¹⁾.

И точно также, уже въ 1895 году, какъ бы продолжая эту цѣль разсужденій, Слонимскій писалъ: «Такъ какъ у насъ нѣтъ буржуазіи въ западно-европейскомъ значеніи этого слова, то нѣтъ и буржуазнаго либерализма, интересы котораго находились бы въ разладѣ съ потребностями трудящейся народной массы. Либералы хлопочуть у насъ о томъ, что полезно всему народу и, слѣдовательно, также государству,—въ противоположность охранителямъ, откровенно преслѣдующимъ особыя выгоды небольшого круга своихъ единомышленниковъ и союзниковъ»²⁾.

А немного раньше того, отражая обвиненіе «Московскими Вѣдомостями» русскаго либерализма въ поддержкѣ буржуазіи, извѣстный хроникеръ «Вѣсти Европы» утверждалъ: «меньше всего русскій либерализмъ... можетъ быть заподозрѣнъ именно въ намѣреніи создать въ Россіи буржуазію или какое бы то ни было обособленное привилегированное третье сословіе. Что благопріятствуетъ образованію такого сословія? Больше всего—развитіе крупнаго фабричнаго производства, усиленіе промышленнаго класса, увеличеніе числа безземельныхъ рабочихъ. Сторонники «третьяго сословія» должны, если они послѣдовательны, стоять за высокія покровительственныя пошлины, за отмену общиннаго землевладѣнія или, по меньшей мѣрѣ, за все способствующее разложенію общины;

¹⁾ Вѣст. Евр. 1882 г. кн. III, стр. 447.

²⁾ В. Евр. 95 г. кн. X, стр. 788.

они должны возставать противъ крестьянскаго банка, противъ выкупа желѣзныхъ дорогъ, противъ регламентаціи кредита, противъ подоходнаго налога, противъ всякой попытки перенести значительную часть податнаго бремени на достаточные классы населенія... Такъ ли поступали и поступаютъ мнимо-буржуазные органы печати—это слишкомъ хорошо извѣстно... Для какого класса, для какой группы населенія онъ (т. е. либерализмъ) домогался господства или хотя бы преобладанія надъ остальными? За какія привилегіи онъ стоялъ, какія новыя перегородки предполагалъ возвести на мѣсто старыхъ, какой видъ свободы хотѣлъ сдѣлать достояніемъ немногихъ? Поставить эти вопросы—значить разрѣшить ихъ, двухъ различныхъ оттѣнковъ они не допускаютъ»¹⁾.

Въ этихъ, полныхъ враждебнаго отношенія къ промышленной буржуазіи, словахъ набросана въ общихъ чертахъ, хотя, правда, больше въ отрицательныхъ терминахъ, экономическая программа нашего «аграрнаго» либерализма. Ея существенная часть, это—поддержка мелкаго производителя, общинника-крестьянина и кустаря, всѣми способами, которые составляли обычный инвентарь, какъ земской практики, такъ и теоретической рецептуры либеральнаго народничества. Говоря о народничествѣ, намъ придется еще останавливаться на практической близости либерализма къ народничеству и народничества къ либерализму—при всѣхъ ихъ теоретическихъ разногласіяхъ. Сейчасъ мы регистрируемъ только, что, по крайней мѣрѣ, представители либерализма ясно сознавали и признавали эту свою близость къ народникамъ. Достаточно для этого отмѣтить статью Слонимскаго, посвященную В. В. въ августовской кн. «В. Евр.» за 92 годъ, или признаніе Пыпинымъ (А. В.—нымъ)²⁾, который такъ долго и такъ много сражался съ народничествомъ, признаніе «родственности» этого направленія либерализму, и сожалѣніе о безцѣльномъ выдѣленіи себя народничествомъ въ особую секту изъ обще-либеральнаго теченія.

Но въ чемъ же полагалъ либерализмъ свои надежды на то, что его программа осуществится не по частямъ и въ мелочахъ земской практики, а въ обще-государственномъ масштабѣ? Онъ ожидалъ измѣненія, подѣ влияніемъ государственной необходимости, правительственной политики, перехода отъ покровительства крупнымъ промышленникамъ къ защитѣ «народныхъ интересовъ», отъ системы ежовыхъ рукавицъ къ правовому порядку.

Онъ ждалъ всего сверху и ничего—снизу. Онъ настаивалъ, конечно, на важности сближенія культурнаго общества съ народомъ, и съ этой точки зрѣнія, въ связи съ продовольственной кампаніей 91—92 гг., вновь подымалъ вопросъ о всесословной волости³⁾, онъ устами Пыпина привѣтствовалъ общественную помощь голодающему крестьянству, выражая увѣренность, что самоотверженное сочувствіе общества къ народному бѣдствію не останется незамѣченнымъ въ «народной средѣ», въ той средѣ, которая, «къ сожалѣнію» «уже очень издавна относилась къ высшему классу съ немалымъ недоверіемъ»⁴⁾.

¹⁾ В. Евр. 1893 г. кн. V, стр. 449—450.

²⁾ В. Евр. 1892 г. кн. X, статья „Теорія народничества“, стр. 705.

³⁾ См. Общест. Хроника, сентябрь 91 г.

⁴⁾ См. „Вѣсти Евр.“ 92 г. кн. II. „Литер. Обзор.“ стр. 904.

Но съ другой стороны, онъ же въ лицѣ Слонимскаго съ совершенной категоричностью заявлялъ, что «крестьянство въ счетъ не идетъ; оно никому не можетъ служить опорой, ибо само нуждается въ поддержкѣ и охранѣ» ¹⁾.

Дружный союзъ идущаго на реформы правительства съ инициативнымъ и его поддерживающимъ обществомъ—вотъ рѣшеніе задачи либерализмомъ.

«Наша бѣда заключается въ томъ», говорилъ Вл. Соловьевъ въ нашу мѣшавшей статьѣ своей «Народная бѣда и общественная помощь», что общество «аморфно», что нѣтъ никакой организаци «для улучшения народной жизни, для національнаго прогресса». «Пора, наконецъ, изъ него (т. е. изъ состоянія аморфности) выйти, пора не потому, что кому нибудь такъ кажется, а потому, что наступила крайняя опасность, а безъ установленія истинной общественности мы нынѣшней бѣды не изживемъ» ²⁾.

Но это не значитъ, что инициатива не должна принадлежать правительственной власти. «Никто не станетъ спорить, писалъ Слонимскій по поводу книги Ермолова «Неурожай и народное бѣдствіе», противъ того, что починъ и руководство въ великихъ задачахъ, поставленныхъ на очередь нашею «слишкомъ печальною дѣйствительностью», принадлежитъ правительству» ³⁾.

И въ другомъ мѣстѣ: либерализмъ хочетъ того-же, въ чему «всегда стремились лучшіе представители власти, начиная съ Петра Великаго» ⁴⁾.

И далѣе:

«Либеральныя идеи все болѣе усваиваются передовою общественною силой нашего времени—просвѣщенной бюрократіей, постепенно и неудержимо поглощающей лучшіе активные элементы образованнаго общества. Либеральное реформаторское чиновничество беретъ на себя самыя широкія задачи, разумное исполненіе которыхъ требуетъ сознательнаго общественнаго содѣйствія и участія, и потребность въ этомъ общемъ содѣйствіи сказывается все сильнѣе на практикѣ, выражаясь въ частыхъ обращеніяхъ къ печатному слову, въ обнародованіи официальныхъ матеріаловъ и предположеній, въ запросахъ, дѣлаемыхъ земству и ученымъ специалистамъ. Дѣятельный предприимчивый бюрократизмъ является господствующимъ направлениемъ нашей эпохи, и остается только желать, чтобы онъ не подвергся обычной судьбѣ всякой вообще бюрократіи и не проникся буржуазно-канцелярскимъ духомъ» ⁵⁾.

Естественно, поэтому, что въ соотвѣтствіи съ этими взглядами «Вѣстникъ Европы» протестовалъ противъ утвержденія реакціонной печати о несовмѣстности началъ законности, равно какъ самоуправленія и общественной самодѣятельности, съ основами самодержавно-бюрократическаго строя ⁶⁾. И поэтому же самому, въ концѣ 94 года, находясь на кульминаціонной точкѣ своего по-

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1893 г., сентябрь, статья «Экономич. реформы и законодательство», стр. 340—341.

²⁾ Вѣстн. Евр. 91 г., октябрь, стр. 791—92.

³⁾ В. Евр., май 92 г., ст. «Экономическая программа», стр. 352—353.

⁴⁾ Вѣстн. Евр., октябрь 95 года, ст. Л. Слонимскаго «Наши направленія въ печати и обществѣ», стр. 783.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 790—91.

⁶⁾ В. Евр. 95 г., кн. II, ст. Слонимскаго «Теорія и практика законности» стр. 794.

литического значенія, онъ могъ, подводя итоги только что завершившемуся царствованію Императора Александра III, замѣчательное для своего времени внутреннее обозрѣніе заключить историческимъ резюме: «Если въ положеніи русскаго народа и всѣхъ отдѣльныхъ группъ, его составляющихъ, многое требуетъ коренныхъ и безотлагательныхъ измѣненій, то это еще не значить, чтобы будущее Россіи представлялось мрачнымъ и безнадежнымъ. Говоря словами поэта, «въ ея груди бѣжитъ потокъ живыхъ и чистыхъ, еще нѣмыхъ народныхъ силъ, такъ подъ корою Сибири льдистой, золотеносныхъ много жилъ»... Эти силы легко могутъ быть призваны къ жизни нашимъ молодымъ государемъ, въ короткое время видѣвшимъ уже столько доказательствъ народной любви и народнаго довѣрія»¹⁾).

Это резюме было историческимъ потому, что оно легло въ основаніе тѣхъ земскихъ адресовъ, которыми закончился этотъ періодъ русскаго либерализма.

Какъ справедливо писалъ тогда авторъ появившагося «Открытаго Письма»: «наиболѣе передовые земства и земцы настаивали или, вѣрнѣе, просили лишь объ единеніи царя съ народомъ, о непосредственномъ доступѣ голоса земствъ къ престолу, о гласности и о томъ, чтобы законъ всегда стоялъ выше административнаго произвола».

Другими словами: либерализмъ 90-хъ годовъ не раздѣлялъ конституціоннаго знамени, а мыслилъ себѣ необходимое реформированіе стараго строя, безъ нарушенія его основъ, инициативой и силами его же представителей, получившихъ лишь въ помощь себѣ организованное общественное мнѣніе.

И въ этой его концепціи сказалась, быть можетъ, наиболѣе характерная черта и для того общественнаго слоя, который представлялъ либерализмъ, и для всего того времени. Передовая часть земцевъ, какъ и родственныя ей группы городской интеллигенціи не чувствовали за собой не только народныхъ массъ, но и движенія или даже просто дѣйствительнаго сочувствія класса, съ которымъ они были непосредственно связаны. Они были культурнымъ авангардомъ бездѣятельной и аморфной среды, въ которой развѣ только протекціонная система правительства создавала настроеніе фронды.

Потому-то у идеологовъ нашего либерализма въ такой причудливо-рѣзкой формѣ и сочетались нѣкоторые интеллигентскій размахъ въ принципиально-абстрактныхъ вопросахъ и чрезвычайная, сугубая скромность, когда рѣчь заходила о вопросахъ практическихъ. Они могли, однимъ духомъ, упрекать, напр., европейскую демократію въ забвеніи «обязанностей по отношенію къ народу»²⁾ и европейскій либерализмъ въ буржуазности и въ то же самое время дѣлать своими *ria desideria* такую убогую реформу, какъ принужденіе представителей земствъ къ засѣданіямъ Государственнаго Совѣта.

Это была идеологія еще первыхъ шаговъ бродячаго, но не знающаго самостоятельнаго выхода общества, идеологія культурной части его имущихъ, по преимуществу, аграрныхъ слоевъ.

Но если имущее общество приходило къ либерализму черезъ запросы культурнаго развитія, то демократическая интеллигенція пришла къ идеологіямъ

¹⁾ Вѣсти. Евр., декабрь 94 г., Внутр. Обзор., стр. 853.

²⁾ Вѣсти. Евр. 93 г. кн. IV, Общ. Хрон., стр. 907.

либерального народничества и революціоннаго конституціонализма через банкротство своего прошлаго.

Когда миновала пора интеллигентскаго распада и интеллигенція, при первомъ достаточно сильномъ побужденіи извиѣ, ощутила въ себѣ вновь потенціальную энергію для общественнаго подъема, то оказалось на первыхъ порахъ, что ея прошлое банкротство стало исходной точкой для идейнаго движенія въ двухъ направленіяхъ.

Если народъ не является въ настоящее время агентомъ социальнаго переустройства, то взамѣнъ этого будемъ поднимать его культурно, развивая въ то же время—въ рамкахъ существующаго строя—такія народныя формы его социально-экономическаго уклада, какъ община, артель, кустарные промыслы,—вотъ одно видоизмѣненіе старой проблемы. Если революціонная фаланга интеллигенціи оказалась разбитой въ своемъ единоборствѣ съ существующей властью, то это не значитъ, однако, что соединенными усилиями всего организованнаго общественнаго мнѣнія нельзя добиться конституціи: сближеніе всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ элементовъ на очередной политической задачѣ,—вотъ другое рѣшеніе обанкротившейся интеллигенціи.

Если старое народничество, метаморфозируясь въ лабораторіи 80-хъ годовъ, спустилось до В. В. Кривенко, и всего направленія народническаго «Русскаго Богатства», то Народная Воля нашла своего эпитома въ популярныхъ идеяхъ «Народнаго Права».

Мы разберемъ эти обѣ тенденціи въ ихъ классическомъ выраженіи, но замѣтимъ сейчасъ же, что въ литературѣ и въ жизни господствовали различныя формы эклектическаго соединенія этихъ тенденцій: народничество съ конституціоннымъ отбѣнкомъ и конституціонализмъ, дополняемый экономической политикой, находившей себѣ теоретическую мотивировку въ писаніяхъ народничества. Такъ «Русское Богатство» съ уходомъ Кривенко, В. В. и послѣ своего неоднократнаго отреченія отъ самаго названія народничества, по существу продолжало ту же самую практическую линію, которой держались до его обновленія имъ теперь отвергаемые народники.

«Политиковъ» и «чистыхъ» народниковъ соединяла имъ общая концепція экономическаго развитія Россіи, необходимыхъ экономическихъ реформъ и мѣропріятій и той роли въ этомъ дѣлѣ, которую должны были, по ихъ представленію, играть современная государственная власть и современное культурное общество. И эта же концепція «власти» и «общества», какъ и сходство въ экономической политикѣ, сближало идеологовъ демократической интеллигенціи, вѣдшихъ свою родословную отъ революціоннаго социализма 70-хъ годовъ, съ представителями современнаго имъ либерализма.

Старый социализмъ полагалъ свои надежды на народъ, на его артельно-общинное творчество, на его социально-революціонную природу. Его «практическая политика», поэтому, сводилась къ элементарной формулѣ—утонуть въ стихіи народа, которой достаточно сравнительно небольшого толчка, чтобы разразиться спасительной бурей—революціей, производящей коренную передѣлку всего общественнаго строя Россіи. Но эта вѣра въ инициативный народъ угасла еще къ концу 70-хъ годовъ; не воскресла она и въ началѣ 90-хъ вмѣстѣ съ пробужде-

нѣмъ демократической интеллигенціи, которую впечатлѣнія отъ крестьянскаго голода только укрѣпили въ безвѣріи.

Естественно поэтому, что подѣ влияніемъ происшедшей перемѣны, народъ, какъ дѣйствующее лицо героической драмы, смѣнился въ умахъ интеллигенціи народомъ—объектомъ усиленныхъ заботъ, экономическихъ мѣропріятій, народолюбиваго прожектерства. Центръ тяжести въ идеологіи интеллигенціи оказался тѣмъ самымъ передвинутымъ съ народа на самое интеллигенцію, на культурное общество, на земство, даже на государственную власть, т. е. на всѣ тѣ элементы, которые, полностью или по частямъ, по доброй волѣ или подѣ давленіемъ необходимости, должны были идти, по мнѣнію народнической интеллигенціи, на встрѣчу потребностямъ «народнаго производства», т. е. «самостоятельнаго производителя-крестьянина». И въ связи съ этимъ выдвигалась на видное мѣсто теорія невозможности капиталистическаго развитія Россіи, невозможности по объективнымъ условіямъ ея международнаго экономическаго положенія.

Разъ, въ самомъ дѣлѣ, социальное преобразованіе страны на началахъ народнаго производства отходило въ неопредѣленную даль, то тѣмъ самымъ пріобрѣтала огромную успокоительную цѣнность для всей интеллигенціи, идеологически связавшей свои судьбы съ крестьянствомъ, та соціологическая концепція, которая какъ бы бронировала кустарно-земледѣльческую Россію отъ сокрушающихъ ударовъ капитала. Стоитъ перебрать съ этой цѣлью книжки «Русскаго Богатства», въ особенности за первую половину 90-хъ годовъ, т. е. за разсматриваемый нами періодъ, чтобы убѣдиться, что мотивы публицистики стоятъ въ непосредственной зависимости отъ этихъ основныхъ положеній. Къ чему сводятся внутреннія обзоры Кривенко и Южакова, «народно-хозяйственные наброски» Карышева, разсужденія В. В., отдѣльныя статьи Яроцкаго и отчасти Н.—она?

Конечно, въ нихъ есть свои оттѣнки, свои индивидуальныя отличія, и если В. В. выступаетъ пѣвцомъ по преимуществу «прогрессивныхъ теченій» въ крестьянскомъ хозяйствѣ, тѣмъ самымъ оттѣняя «мелкобуржуазную» сторону народничества, то Ник—онъ, который усматриваетъ въ дѣйствительности лишь одиѣ специфически-опустошительныя особенности русскаго капитализма, является его (народничества) бюрократически-утопической вариацией. По сущности тѣхъ и другихъ сводится къ апелляции отъ неустройства хозяйственной жизни Россіи вообще и крестьянства въ частности къ мѣропріятіямъ и проектамъ мѣропріятій благожелательнаго общества.

«Никогда еще наша народная промышленность, — читаемъ мы, напр., у Кривенко, — не нуждалась настолько въ измѣненіи взгляда на нее, какъ на нѣчто второстепенное и не имѣющее значенія, и въ такомъ вниманіи къ ней со стороны людей знанія, земствъ и государства, какъ теперь... При правильномъ къ ней отношеніи и реорганизации, изъ нея можетъ развиваться та настоящая народная промышленность, которая нужна странѣ и которая не потребуетъ со стороны государства такихъ жертвъ, какъ промышленность капиталистическая»¹⁾.

«Народное хозяйство — пишетъ Южаковъ — приходитъ постепенно въ

¹⁾ Кривенко: „По поводу культурн. одиночекъ“. На распутьѣ, стр. 259.

упадокъ... община, большая семья, артель, кустарные и домашніе промыслы, натуральное хозяйство, все медленно готовится къ вымиранію и все рано или поздно обречено на вымираніе, если мы не сумѣемъ найти въ своей умственной и нравственной культурѣ, въ своихъ организованныхъ общественныхъ силахъ, въ своихъ руководящихъ классахъ достаточно разума и совѣсти, знанія и патріотизма, чтобы спасти наше отечество и нашъ народъ отъ горестныхъ путей западно-европейскаго экономическаго развитія»¹⁾.

И то же самое говоритъ Ник—онъ, какъ въ заключительныхъ страницахъ своихъ «Очерковъ нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства», такъ и въ статьяхъ своихъ въ «Русскомъ Богатствѣ»: «Задача заключается въ томъ, чтобы общество изъ пассивнаго зрителя проявленія даннаго (экономическаго) закона, тормозящаго развитіе его производительныхъ силъ, при помощи наличныхъ матеріально-хозяйственныхъ условій, отыскало бы средство подчинить этотъ законъ своей власти»²⁾.

Законный выводъ отсюда — обращеніе къ обществу. Это и дѣлаетъ Барышевъ. Свидѣтельствуя о «бодрящемъ впечатлѣніи», которое производитъ на него «объединившій, задолжавшій, въ значительной части обезлошадившійся» народъ, «не покладающій въ то же время рукъ», не бросающій землю и «ищущій новыхъ путей» (прогрессивныя явленія!), онъ адресуется къ «намъ», т. е. къ обществу: «А мы здѣсь, въ Петербургѣ и Москвѣ, сидимъ въ своихъ кабинетахъ и толкуемъ о мужицкой лѣни и косности, о томъ, что мужика надо будить... Будить нужно именно насъ. Гдѣ наша помощь этому стремленію мужика поднять свое хозяйство?.. Мужикъ хочетъ примѣра—гдѣ наши опытные поля, образцовыя хозяйства? Мужикъ ищетъ печатнаго слова—гдѣ наша популярная литература?.. Мужикъ ищетъ удобренія, орудій, сѣмянъ,—гдѣ у насъ земскіе склады всего этого, оптовая заготовка, удобства покупки, распространенія... Гдѣ же вы, дѣятели, дѣятели частные и земскіе? Идите и работайте, время давно приспѣло. И спасибо вамъ скажетъ сердечное русскій народъ»³⁾.

И отсюда же—психологически понятная идеализація интеллигенціи, общества, власти. Идеализировать реальную власть, въ ея текущихъ и общихъ проявленіяхъ, не представлялось никакой возможности, но зато тѣмъ важнѣе было позволить себѣ идеализацію прошлаго, напр., акта освобожденія крестьянъ,—и въ этомъ прошломъ какъ бы символизировалось будущее,—или же, изъ связи съ цѣлымъ выхватывая отдѣльные моменты, на нихъ фиксировать вниманіе и находить себѣ удовлетвореніе въ сочиненіи проектовъ и поправокъ—проектовъ преобразования крестьянскаго банка, регулированія хлѣбной торговли, продовольственнаго устава⁴⁾ и т. д. и т. д.

¹⁾ „Русск. Богат.“, 1896 г., кн. 12, стр. 106.

²⁾ „Русск. Богат.“, 1895 г., кн. 3, статья „Что же значить эконом. необходимость?“

³⁾ „Русск. Богат.“, 1894 г., кн. II, статья „Народохозяйственные наброски“.

⁴⁾ См. напр., Ивановичъ: „По вопросу о преобразованіи крестьянскаго банка“, „Русск. Богат.“, кн. XI, за 1893 г.; Карышевъ, „Продовольственное

И, конечно, еще значительно успешнее шла идеализация земства, и еще нужнее была эта идеализация интеллигенции, для которой земская работа представляла значительную часть ее собственной общественной деятельности.

Необходимо отметить при этом, что внимание приковывалось не столько культурно-просветительной деятельностью земства, сколько его «экономическими» «мѣропріятіями».

«Сравнительно недавнее выступленіе земства на новое поприще сельскохозяйственной деятельности—писалъ Южаковъ—мало извѣстно публикѣ, представляя, однако, глубокий интересъ и громадную важность»¹⁾.

И то же признаніе неоднократно повторяется, въ той или другой формѣ, на страницахъ «Русск. Богатства». Его же въ сущности дѣлаетъ и Анненскій, когда начинаетъ свою серію внутреннихъ обзорѣній въ «Русск. Богат.» заявленіемъ, что, «придавая очень большое значеніе правильному выясненію и освѣщенію вопросовъ земской жизни и земской работы, мы горячо желали бы, чтобы нашъ журналъ по мѣрѣ силъ и возможности служилъ этому дѣлу». Редакціи «разсчитываетъ на помощь самихъ мѣстныхъ людей»²⁾. И затѣмъ, обращаясь къ представляющимъ «особый интересъ» въ настоящее время «земскимъ начинаніямъ въ сельско-хозяйственной области», говоритъ: «здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, возможна живая связь земской работы съ работами центральныхъ установленій, вѣдающихъ нужды сельскаго хозяйства. Прошлогоднее обращеніе министерства земледѣлія къ содѣйствию земствъ... является первымъ и очень важнымъ шагомъ для такого сближенія. Земскія учрежденія могли бы стать очень полезными органами и для проведенія въ жизнь тѣхъ мѣропріятіій для улучшенія сельскаго хозяйства, которыя будутъ требовать работы на мѣстахъ... Съ другой стороны, именно здѣсь, въ земствѣ, всего болѣе можетъ сосредоточиться та здоровая и живая мѣстная инициатива, которая признается въ программѣ министерства, удостоенной Высочайшаго одобренія, лучшимъ залогомъ прогрессивнаго развитія сельскаго хозяйства»³⁾.

И изъ той же, конечно, идеализирующей точки зрѣнія исходитъ и Ник—онъ, когда резюмируетъ настроеніе и направленіе «общества», послѣ перелома 1891 года, словами: «но чѣмъ бѣдственнѣе было самое явленіе, чѣмъ глубже было потрясено все общество голодомъ 1891-го года, тѣмъ сильнѣе должна была сказаться реакція противъ той хозяйственной политики, которая привела къ этому народному бѣдствію. И, дѣйствительно, все общество, всѣ его слои отъ верхнихъ до нижнихъ стали проникаться одной идеей: несостоятельность прежней хозяйственной политики стала очевидной для большинства»⁴⁾...

А В. В., съ своей стороны, теоретически обосновываетъ ту же самую

дѣло и сельско-хоз. страхование», кн. I, за 1893 г.; Хроника внутр. жизни, кн. V за 1893 г.; Южаковъ, „Хрон. внутр. жизни“, кн. VII за 1894 г.; Барышевъ „Народохозяйств. наброски“, кн. IX за 1895 г. и многія другія статьи.

¹⁾ „Русск. Богат.“, 1895 г., кн. IV, „Изъ соврем. хроники“.

²⁾ „Русск. Богат.“, 1895 г., кн. X, Хрон. внутр. жизни.

³⁾ Тамъ же, стр. 167.

⁴⁾ Ник—онъ. „Апология власти денегъ“, „Русск. Бог.“, 1895 г., кн. I.

концепцію «общества», стараясь объяснить, въ силу какихъ особенностей общественнаго развитія Россіи «антиклассовое настроеніе прогрессивной части привилегированнаго общества» имѣеть у насъ чрезвычайную силу, почему «хотя это общество образуется всецѣло лицами, пользующимися экономическими привилегіями, т. е. принадлежитъ къ буржуазіи, тѣмъ не менѣе прогрессивная его часть не выставляетъ цѣльной программы буржуазнаго характера», а, напротивъ, окрашено въ народническій цвѣтъ и «всякій сколько нибудь прогрессивный органъ печати одною изъ своихъ задачъ считаетъ защиту интересовъ народнаго производства». Оказывается—по мнѣнію В. В., что русская интеллигенція (въ отличіе отъ западно-европейской) «законами исторіи вынуждена сознательно преслѣдовать цѣли народнаго благосостоянія», что, «работая въ духѣ укрѣпленія экономической самостоятельности народа, значительная часть русскаго общества борется за свое собственное благополучіе. По своимъ интересамъ эта часть примыкаетъ къ массѣ простаго народа и потому дѣло послѣдняго есть въ то же время и ея дѣло. Защищая это дѣло, она въ сущности борется за свой классовый интересъ, который къ тому же совпадаетъ и съ интересами общегосударственными». Жизненность же «связи народническаго теченія въ привилегированномъ классѣ съ интимнѣйшими процессами нашего общественнаго быта» доказывается его «практическимъ характеромъ»: «расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, поддержаніе общины, артельная организація промысловъ, организація кредита, оптовой закупки матеріаловъ и сбыта издѣлій народнаго производства, улучшеніе техники крестьянскаго хозяйства, выселеніе крестьянъ изъ центральныхъ губерній на окраины» и т. п., — вотъ программа, которая именно благодаря своей «практичности», «можетъ приводиться въ исполненіе черезъ посредство, между прочимъ, земскихъ учреждений»... ¹⁾

Такъ, въ міросозерцаніи народничества 90-хъ годовъ понятіе интеллигенціи расплывалось въ понятіи общества, общество конкретизировалось въ земствѣ, земство комбинировалось съ властью и въ результатѣ получался неопредѣленный конгломератъ представленій, дававшій въ совокупности то, что можно бы назвать народническимъ факторомъ прогресса—прогресса въ сферѣ «экономики» на первыхъ порахъ. Но совершенно очевидно, что этотъ же конгломератъ долженъ былъ стать и основой для формулы прогресса въ политикѣ.

Народничество вышло изъ передѣлки 80-хъ годовъ съ достаточно опредѣлившейся программой экономическихъ мѣропріятій и съ совершенно неопредѣленной окраской въ области вопросовъ политическаго развитія Россіи. Конечно, въ началу 90-хъ годовъ уже было налицо если не политическое въ собственномъ смыслѣ этого слова, то во всякомъ случаѣ политизирующее настроеніе въ извѣстныхъ кругахъ интеллигенціи, но этому настроенію въ жизни, въ литературѣ соответствовала лишь та безформенно-прогрессивная тенденція, которая, просачиваясь сквозь народническія формулы, отражала наростающую оппозиционность демократической интеллигенціи, не задаваясь вопросомъ о путяхъ и не раскрывая своихъ цѣлей. Что дѣлать и куда идти, вопросы политической

¹⁾ Новое Слово, 1896 г., мартъ, ст. В. В. „Производительные классы и интеллигенція въ Россіи“. Ср. также: В. В. „Наши направленія“.

тактики и политической программы, оставались вне поля ее зрѣнія не только потому, что цензурныя рамки не давали возможности договаривать до конца своихъ мыслей, но также и потому, что въ самой жизни демократической интеллигенціи не было какихъ либо перспективъ практическаго политическаго дѣйствія, не было иной дѣятельности, кромѣ культурно-просвѣтительной, кромѣ дѣятельности въ земскихъ учрежденіяхъ.

Ясно, что при данныхъ условіяхъ политическая мысль интеллигенціи должна была, съ нарастаніемъ политическаго настроенія, двигаться по тому же фарватеру, по которому двигалась до того и общественная дѣятельность интеллигенціи.

И ясно, слѣдовательно, что она должна была концентрироваться около тѣхъ же элементовъ, которые были героями-осуществителями практическаго народничества—интеллигенція, общество, земство и даже государственная власть. Разумѣется, поскольку эти элементы принимались цѣликомъ, демократическая интеллигенція упиралась въ ту же либеральную концепцію, выраженіе которой мы только-что видѣли на примѣрѣ «Вѣстника Европы».

На этой почвѣ выросли всевозможныя комбинаціи изъ теоретическихъ предпосылокъ социализма и куцыхъ практическихъ выводовъ.

Но то, на чемъ свободно и легко успокаивались мысль и чувство просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ и свободомыслящихъ академиковъ, шло, что дальше, то больше, въ разрѣзъ съ психологіей демократической интеллигенціи, диктовавшейся ей ея общественнымъ положеніемъ въ обстановкѣ самодержавно-бюрократическаго строя, какъ и всѣми традиціями ея прошлаго. Чѣмъ больше, поэтому, радикализировалось впечатлѣніями отъ общественной жизни настроеніе демократической интеллигенціи и сообразно этому пропитывалось политикой народничества, тѣмъ скорѣе изъ либеральнаго конгломерата элементовъ въ представленіи интеллигенціи отходилъ на задній планъ элементъ государственной власти и, наоборотъ, выдвигалось на первый—расплывчато-широкое понятіе «общества». На этой почвѣ выдѣленія политическаго момента произошло уже въ 1893—1894 году расхожденіе между народниками типа Кривенко, В. В. и др. и «политиками» реорганизованнаго «Русскаго Богатства».

Этотъ процессъ формировація политической мысли весьма трудно наблюдать по произведеніямъ легальной журналистики: въ ней слишкомъ много недоговореннаго или просто обойденнаго молчаніемъ. Но даже и здѣсь можно было бы найти прямыя или косвенныя указанія, съ совершенной опредѣленностью говорящія о томъ, что старая народническая вѣра въ народъ смѣнилась разсчетами на политическую инициативу всего оппозиціоннаго правительству общества или въ частности—его революціоннаго авангарда, опирающагося на общество. Къ счастью, впрочемъ, намъ нѣтъ необходимости на основаніи намековъ возсоздавать точку зрѣнія «политики» демократической интеллигенціи начала 90-хъ годовъ.

Мы имѣемъ совершенно ясный и откровенный языкъ литературы, въ которой эта политика нашла свое предѣльное выраженіе. По этому предѣлу легко уже судить и о промежуточныхъ звеньяхъ, не достигавшихъ вершинъ этой предѣльности. Мы имѣемъ въ виду то политическое направленіе, которое непо-

средственно вышло изъ народничества и которое одинъ изъ старыхъ народовольцевъ окрестилъ именемъ революціоннаго конституціонализма.

Въ литературѣ эмиграціи оно было представлено изданіями Лондонскаго «Фонда вольной русской прессы» и въ частности писаніями Кравчинскаго-Степняка, а въ Россіи—воззваніемъ партіи «Народнаго Права» и извѣстной брошюрой «Насущный вопросъ».

И Степнякъ за границей, и народоправцы въ Россіи уже были въ извѣстной степени выраженіемъ реакціи противъ предшествовавшей имъ литературы упадка. Такъ, Степнякъ въ своей брошюрѣ «Что намъ нужно» протестуетъ противъ той «ошибочной тенденціи—на время спрятать социализмъ, дабы не испугать либераловъ» и опять же «на время» «социалистамъ стать либералами»,—которую являли собой изданія конца 80-хъ годовъ, «Самоуправленіе» и «Свободная Россія», гдѣ писали Бурцевъ, Дебагорій-Мокрѣвичъ, Добровольскій. Такъ, «Насущный вопросъ», приглашая «отрѣшиться отъ благоговѣйнаго преклоненія передъ мнѣческимъ „богоносительнымъ“ народомъ, съ его какой-то никому невѣдомой особливой правдой, якобы, отличной отъ общечеловѣческой», весь полемически заостренъ противъ обветшалыхъ идей народничества, культурничества и проповѣди малыхъ дѣлъ.

Въ чемъ же центральный интересъ направленъ? — Въ сближеніи между собой оппозиціонныхъ и революціонныхъ элементовъ общества во имя идеи политической свободы.

«Ни либералы, ни революціонеры въ одиночку не опрокинутъ самодержавія», говоритъ Степнякъ, «залогъ побѣды во взаимной поддержкѣ обѣихъ фракцій оппозиціи», поддержкѣ, «во имя того общаго виѣкклассоваго чувства гражданской солидарности, которое существуетъ во всѣхъ передовыхъ странахъ въ тѣмъ большей степени, чѣмъ онѣ культурнѣе»¹⁾.

Товарищъ же Степняка по Фонду, Волховской,²⁾ развивая ту же самую мысль въ брошюрѣ «Чему учить конституція гр. Лорисъ-Меликова», аргументируетъ ее соображеніями, что «либералы могутъ, не насилуя своей совѣсти, войти въ соглашенія съ властью тамъ, гдѣ мы бы затруднились»...

Но если фондовцы въ своихъ писаніяхъ еще только развиваютъ своего рода теорію координированныхъ дѣйствій оппозиціонно-революціоннаго блока, то партія «Народнаго Права» сама, какъ организациа, уже представляетъ собою этотъ блокъ, изъ программы котораго вытравлено все, кромѣ чистой идеи политической свободы.

«Есть моменты въ жизни государства — говорится въ воззваніи партіи «Народнаго Права» (относящемся къ началу 94 года) — когда одинъ вопросъ занимаетъ первенствующее мѣсто, отодвигая на задній планъ всѣ другіе интересы, какъ бы существенны они ни были сами по себѣ,—одинъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго въ ту или другую сторону зависитъ будущее народа». И вопросъ этотъ или лучше—задача—формулируется такъ: «соединить всѣ оппозиціонные элементы страны и организовать дѣятельную силу, которая добилась бы, при помощи всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ, какими она рас-

¹⁾ Смотр. брош. Степняка: „Чего намъ нужно“ и „Начало конца“.

полагаетъ, уничтоженія самодержавія и обезпеченія каждому правъ гражданина и человѣка».

Кто же, конкретно говоря, эти «оппозиционные элементы страны»? Степнякъ даетъ обстоятельный отвѣтъ: «Революція должна быть расширена»—заявляетъ онъ.—«Но какъ? Въ комъ искать поддержки? Россія—крестьянская земля. Но насколько намъ извѣстно, среди русскихъ революціонеровъ нѣтъ въ настоящее время фракція, серьезно ищущей опереться на крестьянъ, т. е. дѣйствительно работающей для приобрѣтенія среди нихъ сторонниковъ. . . . Этой фракціи пока нѣтъ, хотя она, вѣроятно, не замедлитъ возникнуть при естественномъ ростѣ движенія... Покаместъ наше движеніе является исключительно городскимъ, опирающимся на городскіе элементы, частью на рабочихъ, но преимущественно на интеллигенцію, на учащуюся молодежь, на образованный классъ вообще». Но рабочіе въ настоящее время по своей малочисленности «могутъ быть только подспорьемъ революціи», «главной же ея поддержкой несомнѣнно является образованный классъ, интеллигенція. Этому взгляда придерживается большинство русскихъ революціонеровъ, если не на словахъ, то на практикѣ, начиная со старой Народной Воли и кончая ея позднѣйшими продолжателями, и въ этомъ мы вполнѣ съ ними согласны. После крестьянства интеллигентный классъ несомнѣнно сильнѣйшій въ государствѣ. Интеллигенція командуетъ царской арміей и флотомъ... Интеллигенція дала Желябыхъ... и будетъ всегда давать имъ наслѣдниковъ и продолжателей, потому что она — сердце націи... Наконецъ, эта же интеллигенція занимаетъ всѣ видныя мѣста и исправляетъ важнѣйшія общественныя функціи. Она владѣетъ прессой, сидитъ въ земствѣ и думѣ, занимаетъ университетскія кафедры. Интеллигенція—громкая сила въ странѣ. Движеніе далеко не распространилось на всѣ тѣ общественные слои, на поддержку которыхъ оно имѣетъ основаніе рассчитывать».

И выводъ отсюда—сближеніе революціонеровъ со всѣми этими общественными элементами для достиженія политической свободы, которая въ Россіи, конечно, осуществится лишь въ формѣ конституціонной монархіи.

Менѣе отчетливо, но та же мысль проводится и въ «Насущномъ вопросѣ» народоправцевъ.

«Только при ясномъ пониманіи ближайшихъ задачъ—говорится здѣсь—стоя на почвѣ реальныхъ интересовъ жизни, можно перевести центръ политической работы изъ замкнутого круга учащейся молодежи... въ его естественное мѣсто, въ болѣе широкіе круги общества и народа». Народъ необходимъ для достиженія цѣли—говорится въ «Насущномъ вопросѣ». И, однако, тутъ же заявляется, что «не роковая ошибка революціонеровъ (т. е. народовольцевъ), какъ думаютъ благодушные либералы, и не косность народной массы, какъ утверждаютъ иные народники, — превратили выигранную битву въ сугубое пораженіе, а холопство, отсутствіе гражданскаго мужества... и политическая незрѣлость тогдашняго русскаго общества».

Резюме — надо воздѣйствовать на это незрѣлое общество, пропагандируя среди него свою исключительно политическую платформу.

Трудно, разумѣется, учесть въ настоящее время степень вліянія этой политической платформы на умы демократической интеллигенціи начала 90-хъ

годовъ, но можно, во всякомъ случаѣ, сказать, что къ ней пришла, продолжая субъективно оставаться социалистически-народнической, видная часть бывшихъ революціонеровъ 70-хъ годовъ, къ ней примкнуло все лѣвое крыло тогдашней журналистики, съ сотрудниками «Русскаго Богатства» во главѣ, и отъ нея же ведутъ свое политическое развитіе и многіе дѣятели послѣдующаго десятилѣтія, разбѣстившіеся позже по различнымъ партійнымъ организаціямъ. Стоитъ также отмѣтить, что написанное покойнымъ Богдановичемъ народоуправческое credo («Насущный вопросъ») — по свидѣтельству Аптекмана ¹⁾ — было просмотрѣно Михайловскимъ и получило его санкцію. Какъ бы то ни было, — но если оставить въ сторонѣ немногіе пережитки стараго народоуправчества и начальные побѣги марксизма въ Россіи, о которыхъ рѣчь будетъ дальше, то не подлежитъ сомнѣнію, что первый періодъ предреволюціонной эпохи нашелъ свое крайнее и въ то же время типическое выраженіе именно въ данной идеологіи.

Это былъ тотъ идейный максимумъ, который могло дать политическое умонастроеніе демократической интеллигенціи — послѣ испытанныхъ ею пораженій и до выступленія на историческую арену массоваго народнаго движенія. И этотъ же максимумъ съ чрезвычайной силой отразилъ на себѣ характеристическую черту того времени — его безнародность, которая была обща не только либерализму просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ, но и идеологіямъ демократической интеллигенціи всѣхъ видовъ — отъ аполитической ея части съ ея экономическимъ прожектерствомъ и вплоть до наиболѣе радикальной — съ ея народоуправческой политикой.

Но при данныхъ историческихъ предпосылкахъ безнародность означала тушею фактическій и идейный, въ который уперлось движеніе. До извѣстнаго предѣла безысходность положенія могла прикрываться надеждами на инициативу ли, исходящую сверху, на историческую ли необходимость, которая заставитъ, на комбинированное давленіе всего общества въ цѣломъ на правительство, т. е. на силу того общества, которое въ сущности было незначительнымъ интеллигентскимъ меньшинствомъ различныхъ общественныхъ классовъ, продолжавшихъ оставаться въ состояніи политической аморфности. Но долженъ былъ — рано или поздно, — наконецъ, наступить тотъ критическій моментъ, когда скрѣпящаго вліянія всѣхъ этихъ иллюзорныхъ представленій оказалось недостаточнымъ, чтобы поддерживать далѣе подгнившее зданіе обветшалаго міровоззрѣнія. Либерализмъ получилъ — свою знаменательную реплику о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ», прожектерское народничество — свою систему Витте, народоуправчество — свой разгромъ, доказавшій что у этого интеллигентскаго радикализма нѣтъ сколько нибудь жизненныхъ корней.

Становилось яснымъ, что этотъ тушекъ нельзя было изжить и его идейно преодолѣть, оставаясь въ рамкахъ старыхъ представленій. Старыя же представленія — это были представленія пріобрѣтающей все болѣе мелобуржуазный характеръ крестьянско-помѣстной, аграрной Россіи, отстаивающей себя въ борьбѣ съ надвинувшимся капитализмомъ. И либерализмъ, и народничество, и конституціонный радикализмъ народоуправцевъ одинаково оперировали съ тѣмъ соотношеніемъ силъ и съ тѣми возможностями, которыя могла дать имъ эта Россія.

¹⁾ См. Аптекманъ. Ст. „Партія Народнаго Права“, „Былое“, іюль 1907 г.

Чтобы выйти из тупика на просторъ накопившейся энергіи демократическихъ общественныхъ круговъ, надо было во что бы то ни стало прорвать порочный кругъ традиционныхъ категорій прежней концепціи, а для этой—своего рода—идейной революціи нужна была *точка опоры*, которая, эмансипируя отъ прошлаго, въ то же время раскрывала бы горизонты и для ближайшаго будущаго. Эта *точка опоры* была найдена въ томъ процессѣ капиталистическаго преобразованія Россіи, который именно въ тѣ годы справлялъ свои оргіи, и въ непосредственномъ продуктѣ этого процесса, промышленномъ пролетаріатѣ, который какъ разъ начиналъ свое движеніе. Перемѣщеніе вниманія къ новому идеологическому центру знаменовало собою начало новой эры въ пред-революціонной эпохѣ.

II. Предварительная работа Группы Освобожденія Труда. Гегемонія марксизма.

Идеологическій центръ періода, къ разсмотрѣнію котораго мы переходимъ, не былъ уже центромъ, общимъ для всего оппозиціонно-революціоннаго цѣлаго. Напротивъ того, поскольку онъ врывался въ это цѣлое, онъ его расщеплялъ, заставляя изъ него выдѣляться большинство дѣеспособныхъ элементовъ интеллигентской демократіи. Дружелюбно-сосѣдскія отношенія направлений предъидущаго періода растаяли, какъ дымъ. Ихъ смѣнила ожесточенная борьба двухъ укладовъ, двухъ сферъ притяженія: съ одной стороны,—циклъ идей, вращавшихся вокругъ кустарно-земледѣльческаго строя деревни, какъ центральной оси, и съ другой—идеологія города по преимуществу,—или точнѣе, идеологія тѣхъ изъ его элементовъ, которые, въ той или иной формѣ, ощутили свою связь съ идущимъ впередъ промышленнымъ развитіемъ Россіи. Это были элементы двоякаго рода: тѣ буржуазно-демократическіе элементы, во-первыхъ, въ представленіи которыхъ капиталистическое развитіе Россіи довлѣло себѣ, какъ нѣчто самоцѣльное, являясь въ то же время эмблемой ея политическаго освобожденія, и во-вторыхъ, тѣ социалистическіе элементы революціонно-настроенной интеллигенціи, которые сплетали судьбу свою съ судьбой пролетаріата.

Но и тѣ, и другіе вступали въ этотъ новый періодъ предреволюціонной эпохи подъ однимъ общимъ антинародническимъ знаменемъ, воспринимая или лишь слегка видоизмѣняя аргументацію, взятую цѣликомъ изъ арсенала революціоннаго русскаго марксизма, сложившагося еще въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, какъ результатъ взаимодействія умственной жизни социалистической Европы и разочарованія извѣстной части революціонныхъ народниковъ въ своихъ собственныхъ народническихъ взглядахъ.

Опредѣляя, такимъ образомъ, моментъ, мы сказали бы: борьба по всей линіи противъ изжитой идеологіи предъидущаго періода и недифференцированность, часто слитность теченій, по существу разнородныхъ, но объединенныхъ сознаниемъ, что изъ политическаго тупика, въ которомъ находилась Россія, выходъ—лишь на пути, который проложить массовое движеніе ея рабочаго класса. Это сознание создавало гегемонію марксизму, которая до поры до времени погашала или, по крайней мѣрѣ, затѣняла всѣ наличные и потенциально-возможные конфликты между данными теченіями. Но если въ этой борьбѣ съ